

КАК ДЕЛА В ЧЕРНОБЫЛЕ

Д

орога, по которой весной 1986 года сплошным потоком шла ревущая техника, сегодня пуста. За контрольным пунктом на границе запретной зоны знаки: «Обочина закрыта! Радиация!» И обычный дорожный указатель: «Чернобыль».

Третий год после чернобыльской катастрофы.

Маленький древний городок Украинского Полесья, название которого прогремело на весь мир: ста с лишним тысячам жителей пришлось эвакуироваться из опасных районов, сотни тысяч людей участвовали в ликвидации последствий аварии, миллионы с тревогой следили за перемещением радиоактивного облака — в той или иной мере чернобыльская катастрофа обеспокоила каждого обитателя Северного полушария.

В бесчисленных репортажах и статьях пересказаны подробности трагической ночи 26 апреля 1986 года и многих последовавших дней. Приведена масса цифр: сколько тонн специальных смесей пришлось сбросить на разрушенный реактор с вертолетов, сколько бетона и металла понадобилось, чтобы надежно изолировать его, сколько километров новых дорог, сколько дамб, защищающих реки от загрязнения радиоактивными стоками, построено. Названа сумма прямого ущерба — около 8 миллиардов рублей.

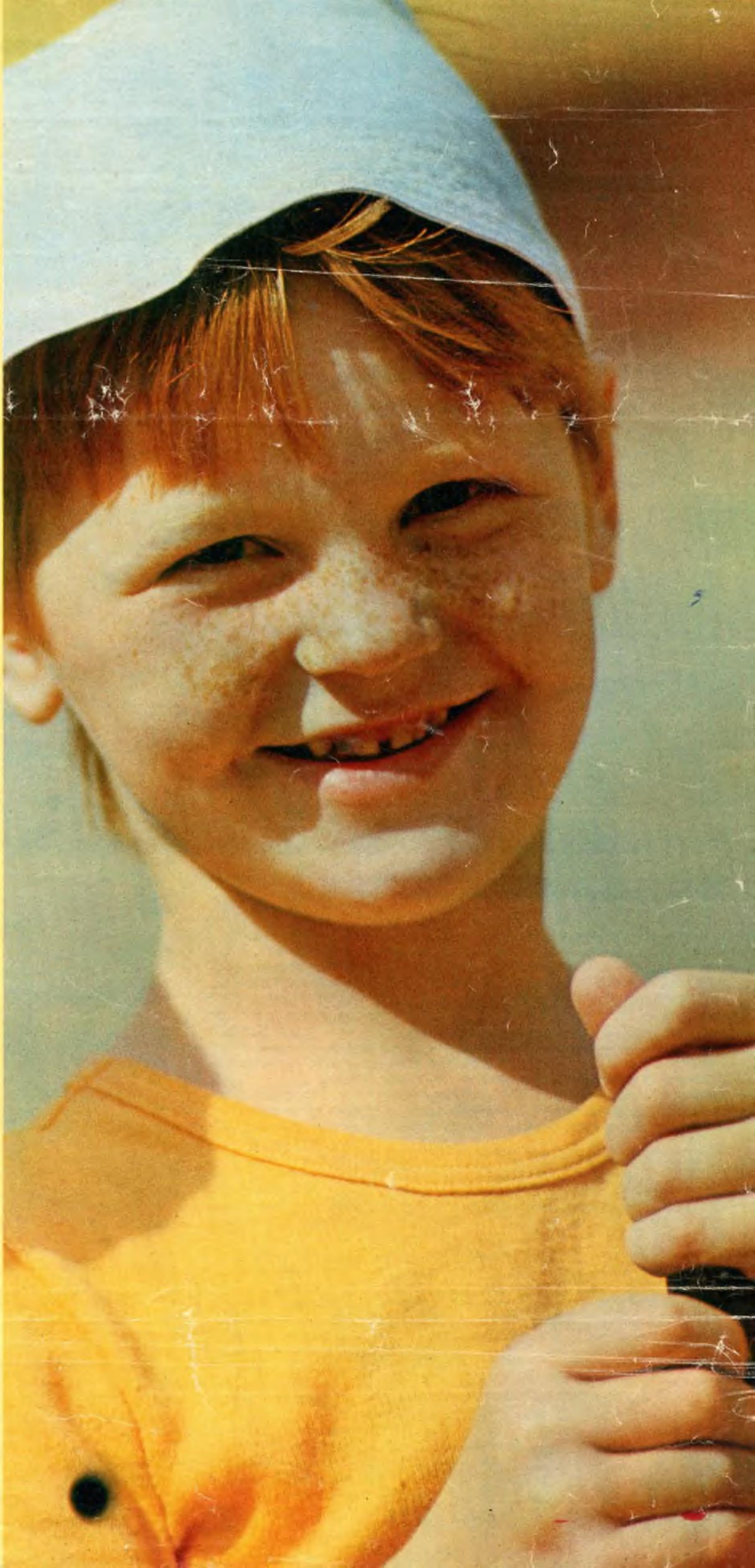
Последствия аварии ликвидированы еще не полностью. Нескоро вернется к норме радиационная обстановка в зоне поражения. И долго еще предстоит решать проблемы, перед которыми поставил нас Чернобыль. Проблема основная, конечно, — здоровье людей. Ей была посвящена прошедшая недавно в Киеве научная конференция «Медицинские аспекты аварии на Чернобыльской АЭС», в которой приняли участие специалисты в области радиологии и радиационной защиты из многих стран, представители ВОЗ, МАГАТЭ, других международных организаций.

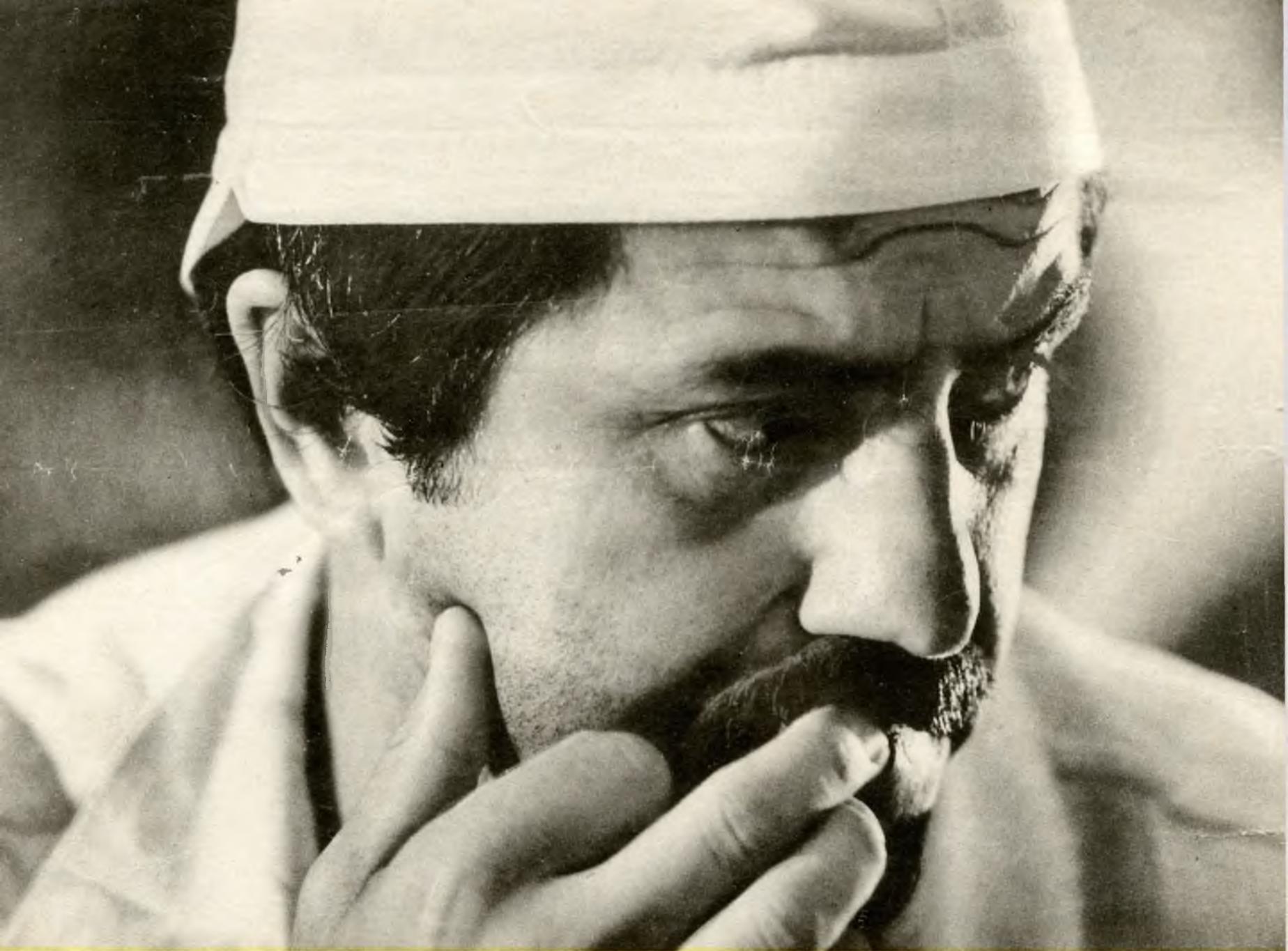
Риск для здоровья есть. Связан он в основном с возможным увеличением числа раковых заболеваний. За минувшие два года назывались разные цифры, порой устрашающе высокие. В дискуссии о глобальных медицинских прогнозах такие оценки всеми учеными были признаны безответственными: по-видимому, достоверно установить «вину Чернобыля» так и не удастся, но речь может идти лишь о возможном росте числа заболеваний на сотые и тысячные доли процента. Исходя из этого, все выступавшие были единодушны: плюсы атомной энергетики перевешивают минусы.

Об этом говорили в Киеве и генеральный директор МАГАТЭ Ханс Бликс, и председатель Национальной комиссии по радиационной защите, вице-президент Академии медицинских наук СССР Леонид Ильин, и американский хирург доктор Роберт Гейл. Один из основных аргументов сторонников АЭС — довод о «голосовании выключателями». Да, признают они, никто не может дать гарантий, что аварии никогда не повторятся, но, зажигая дома свет, вы уже принимаете решение «за».

Журналисты не были столь единодушны. «Голосование» было бы показательным при возможности выбора. На пресс-конференции был предложен мысленный эксперимент, результат которого специалисты однозначно

Черная графика дерева, пережившего трагические часы аварии, — как памятник людям, которые сделали все, что могли, для локализации радиоактивного извержения. Стасик Пыличев — не просто первый маленький житель нового города Славутича, ему здесь расти, учиться и, может быть, как и другим сверстникам, со временем встать рядом со старшими у пультов Чернобыльской атомной электростанции.

КАК ДЕЛА В ЧЕРНОБЫЛЕ

предсказать не взялись. Задача формулировалась так: заполнится ли стадион, если перед продажей билетов на игру популярнейших футбольных команд объявить, что десять болельщиков из ста тысяч рискуют заболеть раком?..

Страх перед невидимой, неосознаваемой, неслышимой радиацией, быть может, и преувеличен, но — достаточно велик. И с этим приходится считаться: во многих странах проходят демонстрации против строительства АЭС. В Киеве тоже раздавались голоса за пересмотр планов размещения на Украине новых реакторов.

Медики уделяют немало внимания проблемам радиофобий. Часто жители тех мест, где повышался радиационный фон, любое недомогание склонны приписывать именно этому обстоятельству. Разубедить их трудно. Тем более трудно, что в первое время после аварии информация была организована плохо. Чувствовалось в те дни желание сделать вид, что ничего особенного не произошло. Не была объявлена тревога в городе энергетиков Припяти, не отменили Первомайские шествия в Киеве. В моем архиве хранится официальный ответ на бланке Минздрава Украины, где черным по белому: «Радиационная обстановка в Киеве в настоящее время **благоприятная**». Чему она могла «благоприятствовать» в мае 1986-го? Не удивительно, что доверия подобные заявления не вызывали. И отголоски возникших тогда слухов бродят до сих пор.

Сколько раз после каждой поездки в Чернобыль приходилось объяснять, что «сарко-

фаг» цел, что никаких новых аварий на станции не было, что обстановка радиационная в 30-километровой зоне медленно, но нормализуется. Слухи живучи. И сегодня они мешают нормально работать людям на станции, создают нервозность — так приходится расплачиваться за неоправданное молчание первых дней, за обстановку секретности, которую пытались создать различные ведом-

ства. С горечью говорит об обстановке на станции ее нынешний директор Михаил Уманец: недостаток информации породил множество разговоров об опасности. Из-за этого, в частности, — трудности с персоналом, из-за этого не хотят переезжать в новый город Славутич некоторые энергетиков. А людям, пережившим такой стресс, особенно нужен спокойный, деловой ритм работы.

От Чернобыля до Славутича по новейшей автостраде 50 километров. Среди хвойного леса уютные коттеджи, удобные пятиэтажные жилые здания, культурные, бытовые учреждения. Не все проблемы обустройства города еще решены; не скажешь, что его хозяевам остается только жить да радоваться.

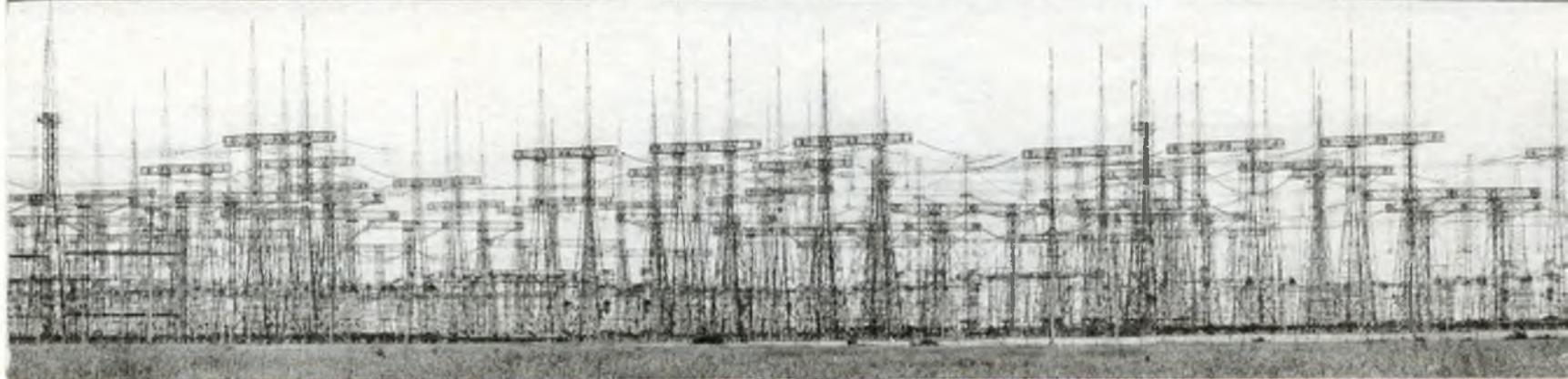
Встает вопрос о трудоустройстве женщин, не все удовлетворены культурным и спортивным досугом. Потребуется и более четкая организация продовольственного снабжения, общественного питания и многое другое.

...Дают энергию три уцелевших блока Чернобыльской АЭС. Идет постоянное наблюдение за состоянием бывшего четверто-

го. Не прекращается дезактивация территории: сведены участки наиболее пострадавшего от радиации леса, забетонирована площадка самой станции. По нескольку раз отмыты дома в Припяти, сменили асфальт на улицах, дерн на газонах и клумбах, вывозятся для захоронения вещи из квартир. Часть помещений здесь уже используют под различные службы и общежития. Но обычным жилым городом Припять если и будет, то, по-видимому, очень не скоро. Город стал огромной лабораторией, где ученые уже начали исследовать воздействие радиации на живую природу.

Решено вести наблюдения за поведением животных и развитием растений в обстановке, которую невозможно смоделировать в лабораторных условиях. Одним из важнейших направлений станет изучение воздействия радиоактивного излучения на генный аппарат живых существ. Пока ученые не зарегистрировали реального, статистически подтвержденного влияния на генный аппарат, но окончательные выводы делать рано: необходимы наблюдения за развитием нескольких поколений.

Речь об исследованиях зашла сразу же после аварии. Еще дымился разрушенный реактор, еще не было известно, какой вариант защитного сооружения будет избран, а на крыльце двухэтажного здания в Чернобыле, где разместился штаб правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии, — на крыльце, ставшем местом неформального общения, уже обсуждались возможные эксперименты.

Напряженные трудовые будни работников станции. Старший инженер реакторного цеха Юрий Бунаков.

Припять — город за колючей проволокой. Дальше нельзя! Авария на Чернобыльской атомной привела к немалому материальному ущербу — он оценивается в миллиардах рублей. Быть может, настанет день, когда в Припять смогут вернуться люди.

Энергия атомных блоков поступает к сотням мачт распределительных сетей, устремляется на заводы, фабрики, в города и села, вливается в Единую энергетическую систему страны.

Идет постоянное наблюдение за радиоактивностью в окрестностях станции и за ее пределами, ведутся медицинские и биологические исследования.

Мощные моечные машины в непрерывном движении.

КАК ДЕЛА В ЧЕРНОБЫЛЕ

Жизнь в Зоне не похожа на обычную. Это замечаешь, как только пересекаешь границу: пустые села с заросшими травой улицами и дворами, заколоченные ворота молочных ферм. Тишина. Ни одного пешехода на трассе, ведущей в Чернобыль. Безлюдно в окрестных лесах, куда прежде на выходные дни приезжали киевляне. Однако население в Зоне есть, и не малое: те, кто очищает ее от радиоактивной «грязи», ведет исследования, работает на станции, кто лечит, кормит временных хозяев территории, следит за порядком... Постоянно меняются работающие здесь люди. Средний срок вахты — три месяца, потом — смена. Но есть и такие, кто задерживается надолго.

Существует что-то завораживающее, притягивающее в тишине, в воздухе обезлюдевшего Полесья. В свой последний приезд я познакомился с теми, кто считает себя «помеченными» Зоной. Им трудно теперь жить на «Большой земле» и, уезжая в отпуск в Киев или Ленинград, они не могут усидеть

в городе больше недели. Тянет обратно.

Георгия Бессонова, реставратора, пригласили сюда, чтобы помочь оценить и сохранить произведения искусства, конфискованные милицией у мародеров, вскрывавших оставленные дома. Его увлекла идея спасения чернобыльских уникамов: икон, древних книг, деревянной резьбы, художественного металла и стекла. Георгий мечтает создать музей. Но задача оказалась хлопотной, и производственное объединение, ведущее все работы в Зоне, быстро охладело к ней. Реставратор, принятый на ставку инженера, остался без места. Однако из Зоны не уехал, действует самостоятельно. Сотни предметов собранной им коллекции оцениваются, по заключению экспертов, в огромную сумму. Предстоит решить их дальнейшую судьбу.

Мародерство не может не возмущать, преступников клеймят газеты, но — юридический казус — уголовному наказанию они не подлежат. Ведь хозяевам выплачена компенсация, и их вещей теперь как бы не суще-

ствует. У похитителя просто изымают добычу и возвращают в Зону как загрязненную радиацией.

В вахтовом поселке Зеленый Мыс, где отдыхают между сменами работники Чернобыльской АЭС, в фойе кинотеатра открылась выставка картин Петра Емца. Петр не профессиональный живописец. Любитель. Уже больше года работает в Зоне. Выставленные тридцать работ — лишь небольшая часть того, что он успел сделать. Пейзажи, глядя на которые ощущаешь: это воздух, туман Зоны. Аллегория «Чернобыльские колокола». Фантастический символ «Колыбельная Припяти»: фигура женщины с младенцем, проступающая сквозь вихрь из цветов и пламени. Подолгу стоят у этих работ люди, многие из которых пережили аварию, спасали из огня своих товарищей, а теперь каждый день по пути на работу видят из окна автобуса циклопическое сооружение — саркофаг, в котором замурован разрушенный ядерный реактор.

Зона постоянно меняется. На месте выкорчеванного леса посеяли траву, вдоль дороги на Припять этой весной посадили деревья и кусты. Чернобыль все больше становится похож на обыкновенный город. Никто, кроме регулировщиков на перекрестках, не носит больше респираторов. Не видно на улицах бронемашин, которые два года назад были единственным видом транспорта для отправлявшихся на станцию. Вечером из окон домов доносится музыка, светятся экраны телевизоров. Но нет в городе детей и стариков. Население — только работающее, только временное.

Мы сделали выводы из случившейся трагедии. Мы надеемся, что хорошо усвоили ее уроки и не повторим ошибок. Эхо взрыва, всколыхнувшего мир, затихнет не скоро. И Зона, этот крошечный уголок изнанки могущества современного человека, еще долго будет оставаться напоминанием: прошло время, когда можно было позволять себе беспечность.

Андрей ПРАЛЬНИКОВ

Славутич выстроен не только быстро, но и с учетом важной социальной задачи — быть удобным, спокойным, уютным местом жизни, отдыха людей, стоящих у пультов атомных реакторов.

Фото А. ГУЩИНА